

Владимир Куреев

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ РАССВЕТЫ

Владимир Васильевич Киреев

Здесь начинаются рассветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69152773

SelfPub; 2023

Аннотация

Новая книга Владимира Киреева «Здесь начинаются рассветы» продолжает и тематически расширяет предыдущие «туристические» сюжеты, связанные, в основном, с путешествиями по недалёким пространствам Сибири. Герои повествования выбирают наш, русский восток, самую дальнюю, самую окраинную береговую линию. И не только и не столько рыбалка влечёт их туда, хотя именно это их объединяет – желание побывать на священной для русского человека земле, политой кровью её защитников, пройти по мрачным казематам нашей истории, с чувством сострадания вспомнить годы нашей общей трагедии и поклониться достойным сыновьям Отечества, присоединившим к России и защитившим восточные рубежи. Удачное соединение рыболовных сцен, разговоров у костра или в каюте морского катера, исторических событий, происходивших в этих местах, с неприглядной действительностью, с рельефными характерами, такими, например, как чукча Николай Николаевич, создаёт реальную картину современной жизни.

Содержание

Приглашение к путешествию	5
Качели	8
Первое знакомство	8
Здесь начинается Россия	12
Морская рыбалка	16
Сплав по Опале	27
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Киреев

Здесь начинаются рассветы

Приглашение к путешествию

Удивительное дело – путешествие. Именно дело, потому что более напряжённое времяпрепровождение представить трудно. Я и сам не могу подолгу сидеть в городе и по первому зову друзей-приятелей срываюсь и устремляюсь хоть на Алтай, хоть в Китай, хоть в Саяны, хоть к чёрту на кулички. И где-нибудь на перевале, расчищая место под палатку в двухметровых снегах, вдруг с ностальгической завистью вспомнишь добрейшего Илью Ильича Обломова, зарывшегося в необъятные пуховые перины и блаженно досматривающего свои послеобеденные сны. Но проходит время, все тяжёлые, а подчас и трагические события тускнеют, как горизонт за ненастной дымкой, и снова в нетерпеливом предвкушении достаёшь из чулана рюкзак и начинаешь складывать в его нутро вещи, которые в последний раз извлекал из него, казалось, навсегда.

Ещё каких-нибудь лет десять-пятнадцать назад великое множество наших соотечественников почитало за верх блаженства провести отпуск на пляжах Таиланда, Китая, Турции или Египта. Но меняется направление нашего туризма, и уже не одиночки-отшельники, а тысячи русских людей понимают, что родина наша велика и обильна и красот земли нашей так много, что и не всякой жизни достанет, чтобы измерить шагом и окинуть взором Русский Север и Крым, Кав-

казские горы и Курильские вулканы, Саянские отроги и Байкальские берега, и во всём неповторимая, созвучная нашей памяти и нашему представлению о красоте, растворённая в крови благодатная мощь и материнская нежность природы.

Владимир Киреев человек сибирский, а значит особый и душевной широтой, и силой характера, и воловьей выносливостью, способностью выстоять и выжить в условиях, казалось бы, не предназначенных для бытования. У него, можно сказать, типичный для нашего климата характер. И в его охотничьих рассказах и «экстремальных» очерках встречаются люди подобного замеса.

Новая книга Владимира Киреева «Здесь начинаются расцветы» продолжает и тематически расширяет предыдущие «туристические» сюжеты, связанные, в основном, с путешествиями по недалёким пространствам. Рыбацкая экзотика увлекает многих. Рекламные кинофильмы, телепрограммы заывают ловить «золотую» рыбку в самых невообразимых реках, морях и океанах.

Герои повествования Владимира Киреева выбирают наш, русский восток, самую дальнюю, самую окраинную береговую линию. И не только и не столько рыбалка влечёт их туда, хотя именно это их объединяет – желание побывать на священной для русского человека земле, политой кровью её защитников, пройтись по мрачным казематам нашей истории, с чувством сострадания вспомнить годы нашей общей трагедии и поклониться достойным сыновьям Отечества, при-

соединившим к России и защитившим восточные рубежи.

Даже если бы это была книга только о рыбалке, она была бы интересна и полезна. Но задача автора шире. Удачное соединение рыболовных сцен, разговоров у костра или в каюте морского катера, исторических событий, происходивших в этих местах, с неприглядной действительностью, с рельефными характерами, такими, например, как чукча Николай Николаевич, создаёт реальную картину современной жизни.

И я приглашаю читателя вслед за героями книги в путешествие, где азарт соседствует с риском, где штиль предвещает бурю, а дух товарищества побеждает непонимание.

Василий Козлов

Качели

Первое знакомство

Любопытство просыпается в детстве, когда с интересом открываешь дверь в соседнюю комнату или разглядываешь цветок, бабочку, или раскрываешь книгу; оно остаётся постоянным и преследует нас всю жизнь. С возрастом начинаешь понимать, что лучший день тот, что ещё не прожит, а лучшие дороги те, что ещё предстоит пройти.

Если человек родился на этой земле, то он просто не име-

ет права жить тускло и скучно. Немногим посчастливилось повидать Россию-матушку от края до края, но жажда познания родной земли живёт в каждом из нас как наследственность.

Летом 2015 года решили мы отправиться туда, где начинается утро нашей, как мы говорим, бескрайней России, но всё же имеющей край света, называемый Камчаткой.

Мы – это Владимир Рачковский, Александр Поддубный, Вадим Ламберт, Андрей Поволяев, Николай Поплевин и я.

Организатором и вдохновителем предстоящего путешествия был Владимир Рачковский. Родился и вырос он в Тулунае, потом перебрался в Иркутск, сейчас живёт в Москве. Занимается предпринимательством. Человек активный, сам не сидит на месте и другим не даёт.

Николай Поплевин окончил педагогический, но в суровые 90-е жизнь заставила изменить своей профессии. Стал заготавливать лекарственные травы. Невысокого роста, плотного телосложения, с приметной раскосиной в глазах. Он был человеком внутренне собранным, в тайге во всём любил порядок и точность.

Вадим Ламберт – что же я знаю об этом человеке? Совсем немного: то, что он окончил медицинский институт, работал терапевтом в городской больнице, потом организовал риэлторскую контору и сейчас работает в этой сфере. Живёт в Иркутске, женат, у него растёт дочь.

Андрей Поволяев не может без рыбалки и охоты. Живёт

в Чите, женат, трое детей. Постоянно терзаемый охотничьей страстью, он томился в городе, работая и мечтая о новых лесных путешествиях. Потом взял да построил охотничью заимку в тайге, за сто километров от города, и весь охотничий сезон пропадает там.

Александр Поддубный, как и должен быть человек с богатырской фамилией, – высокий, сильный, светловолосый. Живёт в Иркутске, занимается строительством дорог.

Александра, Владимира и Андрея объединяет то, что у каждого из них по трое детей. И, надо сказать, они гордятся этим.

Четверым членам нашей команды до сорока лет, и только нам с Николаем за пятьдесят. Вскоре началась подготовка к путешествию на Камчатку. Надо было составить маршруты, закупить туристическое оборудование. Понятно, что предстояла очень непростая поездка, и мы предвкушали и сплав по реке, и восхождение на вулкан. Владимир заказывал билеты через Интернет переписывался с туристическими фирмами, намечал предстоящий маршрут.

Нам оставалось собрать свои рюкзаки и, может быть, самое главное – не забыть спиннинги: все мы были страстными рыбаками.

Мечтали забраться на самый край, а точнее – в начало нашей огромной страны. Нашу команду, совершенно разных людей, сплотил общий интерес к Камчатке. Определённый опыт водных путешествий у каждого из нас уже был – у ко-

го-то больше, у кого-то меньше: прошлым летом Владимир, Александр и Николай побывали на Курилах, ловили горбушу.

Мы летим в Петропавловск-Камчатский. Под крылом самолёта сплошная белая пелена облаков, вдали едва проглядывает Авачинская губа.

Погода пасмурная, мелкие капли дождя моросью сыплотся с неба. Над лётным полем видно основание вулкана Корякский, остальная его часть скрыта в непроглядном тумане тёмно-синих облаков. Выходим из самолёта, нас направляют не в здание аэропорта, как должно быть, а чуть дальше и просят выйти с территории аэропорта через калитку в заборе с надписью «Добро пожаловать».

Туман над аэропортом не был похож на привычный туман. Эта густая облачность, спустившаяся на землю и взявшая над ней полную и нераздельную власть, делала воздух настолько влажным, что казалось, кто-то постоянно распыляет вокруг нас воду из гигантского пульверизатора. Мы стояли возле здания аэровокзала «Петропавловск-Камчатский», вдыхая водный аэрозоль. Все звонили домой, сообщали о благополучном приземлении.

Здесь начинается Россия

Конвейер неторопливо двигался по кругу, мы высматривали, брали свои рюкзаки и сумки. Из терминала вышли на небольшую площадь.

Нас ждали представители турфирмы, женщина лет пятидесяти пяти, звали её Татьяна, и водитель микроавтобуса, в который мы загрузили вещи и поехали в гостиницу «Петропавловск».

Вскоре остановились. Монумент «Елизовские медведи» находится на объездной дороге, в её северо-западной части. Медведи как медведи, мало ли медведей в России! Елизовские медведи живописно смотрятся на фоне Корякского и Авачинского вулканов. Важное значение имеет надпись на монументе: «Здесь начинается Россия».

Конечно, Россия начинается и просыпается на Камчатке, Курилах, Сахалине и во Владивостоке, ещё много «начал» у неё вдоль внешних границ, но именно Охотск и Петропавловск стали первыми портами, куда заходили многие иностранные корабли, местом, где Россия тесно соприкасалась с Америкой и Азией.

Это придаёт особое ощущение всему нашему пребыванию на Камчатке. Пролетев многие тысячи километров на восток, глядя на символ России – медведя, начинаешь осознавать, что восточнее Российской земли нет земель, а толь-

ко Тихий океан и иной континент – Америка.

В гостиничном номере обсуждаем с Татьяной наши планы. В городе туман – наш полёт на вертолёте к реке Опале может не состояться.

Она успокаивает:

– Не переживайте, завтра у вас морская рыбалка, а там, может, и погода наладится.

Других вариантов нет, и мы соглашаемся.

Решили пройтись по городу. Недалеко от гостиницы находится крытый рынок.

Все мы впервые оказались на приморском рыбном базаре. Свежие крабы, креветки, гребешки, мидии, икра разных видов, красная рыба (нерка, кижуч, чавыча, кета, горбуша) возлежали на прилавках во всей своей красе в ожидании покупателей. Мы наконец явно осознали, куда приехали и какими сокровищами полнится Камчатский полуостров.

Сюда ежегодно, с середины июня, повинувшись могучему инстинкту, плывут миллионы лососей. Стаи этих рыб, преодолевая все преграды на пути, возвращаются из морей в те реки и озёра, где они когда-то проклюнулись из икринок и где теперь должны завершить свой жизненный путь. Этой рыбе лишь однажды суждено испытать великое чувство первой и последней любви. Они, в ярком брачном наряде, устремляются вверх по реке навстречу этой любви и смерти. Но прежде чем умереть, они мечут в оборудованных ямках икру и до последних сил охраняют её от хищников. Со вре-

менем силы покидают их, они пытаются удержаться на течи-нии, но их сносит и тысячами выбрасывает на берега и от-мели.

Спустя год мальки лосося уйдут в моря Тихого океана и будут там жить до тех пор, пока неумолимый инстинкт не поведёт их к родным рекам и озёрам и не заставит расстаться с жизнью ради продолжения рода. Для камчатских рек это главное событие. Здесь жизнь вращается вокруг лосося. На берега приходят люди, хищные животные, прилетают птицы. Особенно рады рыбе камчатские медведи. В период нереста они со всех сопок собираются к рекам. Следом за лососем идут косяки других рыб. Всеми движет стремление пожи-виться и рыбой, и красной икрой. Лосось – это главная сила жизни Камчатки.

Не сговариваясь, мы стали выбирать креветок. Здешние рыбаки сдают их на рынки, где креветки долго не залёжива-ются. В компанию к красавицам креветкам мы взяли двух больших камчатских крабов. Продавец нахваливал весь то-вар, но крабов выделил особо и почти шёпотом сообщил, что их ловля запрещена. Мы переглянулись: почему тогда на рынке они лежат в свободной продаже? Ну а разговорчи-вый продавец, не спрашивая нас, добавил и посчитал ко все-му прочему один балычок нерки холодного копчения. Этим морским набором, сдобренным тремя литрами местного пи-ва, мы и отужинали в гостиничном номере. Надо сказать, что качество камчатского пива нас восхитило: сюда по дальности

доставки, видимо, ещё не дошли современные технологии.

Отхлебывая из стакана, Владимир загадочно спросил:

– Вадим, ты грохотку¹ взял?

– Да!

– Покажи!

Вадим стал рыться в своём рюкзаке и через некоторое время достал бадминтонную ракетку с толстой леской.

Владимир взял ракетку, покрутил её в руке и похвалил Вадима:

– Молодец, это самая хорошая грохотка для икры, лучше не придумаешь. Положи её на место. Поймаем рыбы, сделаем малосольную икру. Мы прошлым летом на Итурупе уже пробовали делать её, но тогда у нас не было грохотки, а сейчас грохотка есть.

– Марлю Саня взял?

Александр утвердительно кивнул.

Вадим взял ракетку, небрежно бросил её за тумбочку. А сам потянулся за пивом.

Надо отметить, что мы были в полном удовольствии и от копчёной нерки на свежем нарезанном батоне, и, конечно, от нежных и сочных креветок, ну а крабы и пиво были просто экзотично-фантастичны. После ужина Владимир позвонил продавцу крабов и попросил его к концу нашей поездки приготовить нам по одному крабу, чтобы взять домой.

¹ Грохотка – сетка для отделения икры от плевры.

Морская рыбалка

Поднялись мы очень рано. Выглянув в окно, я ничего не увидел, кроме тумана. Николай посоветовал одеться теплее, так как на море будет ветер, я согласился. К гостинице подошёл микроавтобус, и мы поехали в порт. Даже в тёплой куртке было не жарко, в воздухе висели морось и густой туман.

Когда мы приехали в порт, случилось чудо: облака расступились, и сквозь них проглянуло солнышко. Нельзя сказать, что стало теплее, но что приятнее – это точно.

У причала стоял небольшой катер. Нас радушно встретили капитан Александр и помощница Алла. Капитану было на вид лет сорок. Среднего роста, одет в светло-серый комбинезон, на голове – капитанская фуражка. Алла – яркая блондинка того же возраста, что и капитан, без головного убора, но в нарядном фартуке. Она помогала ему по хозяйству, готовила обед для туристов, поила нас чаем.

Мы вошли в каюту, стены были прозрачны как стекло, и главное, была дверь, закрыв которую, мы ощутили тепло и комфорт. Сели на диванчики, расположенные вдоль бортов,

и стали разглядывать море и всё, что нас окружало.

Катер, шумно взревев двигателем, вышел на глиссер и пошёл по Авачинской бухте. Капитан повернулся к нам:

– Для информации. Авачинская бухта – вторая по величине бухта в мире, на первом месте – Порт-Джексон в Австралии. Она способна вместить весь мировой флот. Длина бухты 24 километра, ширина у входа – 3 километра. Глубина – до 26 метров. В бухту впадают реки Авача и Паратунка. Здесь расположены два крупных города – Петропавловск-Камчатский и Вилючинск. Порт Петропавловска-Камчатского обслуживает грузовые и рыболовецкие суда. В Вилючинске базируется Тихоокеанский флот России. Это закрытый город, но такси туда проезжают свободно. Причём когда в бухту заходит подводная лодка, ни одному судну не разрешается выходить на воду. Вопросы будут?

Мы отрицательно покачали головами.

То, что сказал капитан, для меня было новым. Эта живописная бухта, окружённая сопками, покрытыми густым лесом, оказалась очень необычной. Места для людей природа оставила здесь очень мало, всего лишь узкую полоску камня и песка, мелькающую между горами и глубоким заливом. Есть на картах такие города, которые всегда можно найти, даже если они не обозначены там кружочками-точками – Санкт-Петербург, Венеция, Осло, Архангельск, Севастополь. Так вот, благодаря своей бухте, и Петропавловск легко обнаружить.

Это один из самых старых городов на Дальнем Востоке. Первыми из русских сюда пришли казаки в конце XVII века. Здесь, на берегу Авачинской бухты, они заложили лабазы для хранения ясака и основали острог.

Говоря о Петропавловске-Камчатском, нельзя не сказать о Витусе Беринге, который триста лет назад не раз ходил по этой бухте.

Капитан флота Витус Беринг во исполнение инструкции, собственноручно начертанной Петром Великим, в 1724 году был отправлен сюда для решения вопроса: сходится ли Азия с Америкой?

Эта первая Камчатская экспедиция добиралась из Петербурга до Охотска два года, с января 1725 по январь 1727 года, через Тобольск, Маковское, Енисейск, Илимск, Усть-Кут, Якутск на лошадях, пешком, на речных судах. Охотск тогда считался большим поселением на берегу Тихого океана и состоял из 11 жилых дворов.

Перезимовав там, экспедиция переправила снаряжение на лодках и собачьих упряжках к устью реки Камчатки на восточном побережье полуострова, где к лету 1728 года было закончено строительство бота «Святой Гавриил». В июле – августе 1728 года судно поднялось на север, а затем – на северо-восток вдоль материка. В ходе плавания были выявлены Карагинский залив с островом, залив Креста, бухта Провидения, Анадырский залив и остров Святого Лаврентия. Экспедиция, как потом оказалось, вышла через пролив, разде-

ляющий азиатский и американский континенты, в Чукотское море (при этом побережье Аляски им обнаружить не удалось), после чего повернула назад, поскольку Беринг посчитал задание выполненным, так как им было выявлено, что азиатское и североамериканское побережья не соединяются.

Так был вторично открыт пролив между Азией и Америкой. Записки путешественника Семёна Дежнёва об открытии этого пролива лежали в архивах Якутска около 80 лет.

В 1729-м Беринг через Охотск и всю Россию вернулся назад в Петербург.

На следующий год другой российский исследователь Гвоздев на этом же судне вместе с участниками Первой Камчатской экспедиции – навигаторами Иваном Фёдоровым и Константином Мошковым – добрался до мыса Чукотского (ныне мыс Дежнёва), самой восточной точки Азии. Оттуда «Святой Гавриил» отправился на восток и вскоре натолкнулся на сушу вблизи мыса Принца Уэльского. Следуя вдоль северо-западного побережья Аляски, экспедиция составила карту и продолжила изучение пролива, разделяющего Азию и Америку, начатое Семёном Дежнёвым и Федотом Поповым ещё в 1648 году.

Эти экспедиции позволили составить карту берегов северо-восточного побережья России с островами, лежащими возле Камчатского полуострова и берегов Аляски. А в 1732 году был подписан Указ Анны Иоановны «Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку на морских судах

для проведывания новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткой».

Была снаряжена вторая Камчатская экспедиция, которая внесла свой вклад не только в освоение Камчатки, но и в развитие Сибири. Нет точных сведений о том, когда именно открылась сухопутная проезжая дорога от Томска до Иркутска через Красноярск. Но в 1734 году Беринг и Гмелин проехали налегке этим трактом от Тобольска до Иркутска. Этот тракт с некоторыми изменениями существует и по сей день. А грузы экспедиции, как и купеческие клади, в продолжение всего периода неизменно сплавливались по Кети и Лене.

В экспедиции с Берингом участвовали такие известные люди, как капитаны Чириков, Шпанберг, профессора истории Герхард Фридрих Миллер и Иоганн Георг Гмелин, студент академии Крашенинников, геодезисты Красильников и Попов, горные практиканты, выпускники Московской духовной академии.

Направляясь в экспедицию, Беринг имел дополнительное поручение по налаживанию почтового тракта в Сибири: он обязан был по мере движения на Восток намечать станы, чтобы бесперебойно возить почту круглый год.

Осенью 1740 года два пакетбота, «Святой Пётр» и «Святой Павел», вышли из Охотска к восточному побережью Камчатки. Здесь, в районе Авачинской губы, экспедиция перезимовала в бухте, названной Петропавловской в честь судов экспедиции. Здесь было заложено поселение, с которо-

го начала свою историю столица Камчатки город Петропавловск-Камчатский.

* * *

Катер наш движется к островным скалам Три Брата, неусыпно охраняющим вход в Авачинскую бухту, одной из визитных карточек Петропавловска.

– Готовьтесь, – предупредил капитан, – будем ловить кам-

балу.

Невдалеке от нас на якоре стояли несколько катеров с туристами. Честно говоря, покидать тёплую каюту не хотелось, но, перефразировав известную поговорку, можно сказать, что рыбалка была пуще неволи. На катере имелось достаточное количество спиннингов, оснащённых катушками и рыболовным настроем для ловли рыбы. Капитан дал нам наживку в небольшой пластмассовой чашке. Это были разрезанные пополам куриные сердечки. Надев кусочек наживки на большой крючок, я забросил снасть. И сразу же поклёвка – попалась камбала. Она была небольшого размера с красно-синими плавниками. Мы поймали по десятку рыбин, и клёв прекратился. Капитан завёл катер, и мы отошли в сторону берега. Здесь стали ловиться большие белобокие камбалы.

– Это промысловая рыба, – сказал Александр, – чувствуете разницу?

Скажу больше, когда Алла пожарила нам рыбу, то цветная камбала показалась вкуснее промысловой. И это заметили все.

* * *

Остров Старичков – заповедник в Авачинском заливе, памятник природы регионального значения, в 12 км к югу от входа в бухту. Во время отлива прибрежные рифы и камни

обнажаются. На острове Старичков многочисленные гнездовые колонии, сюда ежегодно прилетает множество морских колониальных птиц. Здесь обитают тихоокеанская чайка, моевка, толстоклювая и тонкоклювая кайры, ипатка и другие птицы. На береговых скалах размещаются птичьи базары – колонии кайр, моевок и бакланов.

Владимир поймал камбалу, отцепил и бросил её в ящик, она шумно билась о пластиковые стенки. Мы сразу ничего не поняли, пока не подошёл капитан.

– Ребята, – сказал он, – это не камбала, это палтус. Он похож на камбалу, но только менее круглый.

Мы с любопытством осматривали рыбу. Александр продолжил:

– Если вы не будете брать рыбу с собой, то её лучше отпустить. Он ещё маленький, ему расти и расти.

Мы не возражали, и палтус полетел за борт. Вадим с Николаем успешно таскали камбалу. Андрей вытащил ярко-красного окуня, потом ловились бычки различной расцветки, и в завершении рыбалки Владимир вытащил морского ленка, совсем не похожего на речного, а Александр поймал капитанского окуня.

Мы отошли от острова, впереди простиралось открытое море, совсем не такое, как в бухте, где со всех сторон видны обступившие город сопки. Вдалеке на рейде стояли несколько больших кораблей, почти полностью скрытых не расступающимся туманом.

Прямо по курсу, где-то в непроглядной дали, – Алеутские острова, Аляска, севернее – Берингов пролив. Волны поднимались выше, и лобовое стекло каюты стало забрызгивать водой. Капитан сообщил, что температура воздуха 9 градусов, а воды – всего 7.

– Как на Байкале летом, – заметил Александр.

В июне 1741 года, когда Витусу Берингу исполнялось 60 лет, «Святой Пётр» под командованием Беринга и «Святой Павел» под командованием Чирикова ушли этим курсом к северо-западным берегам Америки. 20 июня в условиях шторма и густого тумана суда потеряли друг друга. После нескольких дней бесплодных попыток соединиться мореплавателям пришлось продолжать путь уже поодиночке. «Святой Петр» под командованием Витуса Беринга пошёл на восток и достиг берега Северной Америки. Позже пакетбот зашёл для пополнения запасов воды на неизвестный остров, впоследствии названный островом Беринга, где бурей его перебросило через камень и перевернуло. Команда съехала на берег, чтоб осмотреть покрытое снегом пристанище. В песчаных буграх начали рыть ямы для казарм, и в одной из таких ям 8 декабря завершилась жизнь Витуса Беринга.

45 членов экипажа, питавшихся зиму и весну морскими бобрами, котиками и тюленями, построили одномачтовое судно из частей разрушенного пакетбота и в августе 1742 года, преодолев 250 км, достигли Авачинской губы.

«Святой Павел» под командованием Чирикова также до-

стиг берегов Америки, а в октябре того же года вернулся в Петропавловский острог.

Никому не оспорить наше право открытия Камчатки, Курильских и Алеутских островов, берегов американского, потому что на землю этого пространства прежде всякого европейца вступили русские первопроходцы Гвоздев, Чириков и другие.

Морская прогулка сопровождается не только рыбалкой на морского окуня, бычков и камбалу, примечательны птичьи базары, любопытные нерпы и суровые скалистые берега скользящих мимо островов.

О Камчатке снято много фильмов, сложены стихи и песни. Информации о Камчатке достаточно, и каждый может почерпнуть её из самых разных источников. А вот личные впечатления с чужих слов не составишь. Оказавшись на Камчатке, понимаешь её величие и неповторимость.

Сплав по Опале

Проснулись на рассвете, и сразу же к окну. Из гостиничного окна не видно ничего. Пелена тумана окутала город. Видимость никакая. Кто-то пошутил, что даже пешком идти опасно, можно столкнуться со встречным пешеходом. Позвонила Татьяна и сказала, что вылет отложен на час. Мы рассмеялись, Владимир скорчил недовольную физиономию:

– Мужики, она что меня совсем за дурака принимает?!

Через час снова позвонила Татьяна и как ни в чём не было сообщила, что отправляет за нами машину. Мы не могли представить, как в таком тумане можно куда-то лететь.

– Она нас точно обмануть хочет, – хмуро буркнул Александр, – взять с нас деньги и сказать, что нелётная погода.

– Всё может быть, – согласился с ним Владимир, – но мы же не мальчики для битья, разберёмся.

Он помолчал, но потом встрепенулся и раздражённо сказал, чтобы все слышали:

– Деньги за тур я ей отдам, когда прилетим на Опалу.

– Она тоже с нами полетит? – недоумевал Андрей.

– Пусть летит, чтобы не получилось, что вертолёт взлетит, даст круг и сядет. Извинятся перед нами и всё.

Владимир был не только организатором нашего путешествия, он ещё был нашим капитаном, которому мы верили и подчинялись, потому что в походе анархии быть не долж-

но. Он человек ответственный и разберётся, обманывают нас или нет.

Собрав вещи, мы вышли из гостиницы. Подошёл микроавтобус. По дороге туман стал постепенно рассеиваться, и на подъезде к Елизово уже выглянуло солнце. Мы были удивлены капризами камчатской погоды. Машина свернула с трассы. На аэродроме, у вертолётки, нас ожидал экипаж и Татьяна. Она с улыбкой на лице сказала:

– Я же вам говорила, что сегодня улетите. Вот познакомьтесь с нашими инструкторами.

Трое молодых людей и девушка стояли невдалеке. Она посмотрела в их сторону:

– Руслан, Сергей и Слава, – показала рукой на каждого, – а это Лариса, ваш повар. Она будет с вами на протяжении всего сплава. Руководителем группы будет Руслан.

Вертолёт был уже загружен лодками, палатками, продуктами, осталось только нам залезть в его нутро.

Татьяна отвела в сторонку Владимира. По выражению её лица стало понятно, что предложенный нашим капитаном вариант был для неё неожиданным и не совпадал с намеченным ею. Напряжённо помолчав, прижав руками к груди черную кожаную сумочку, она тихо пошла в вертолёт.

Мы зашли следом, сложили рюкзаки и молча расселись по лавкам вдоль салона. Пилот запустил двигатель, через несколько минут машина вся затряслась и оторвалась от бетонных плит взлётной полосы.

Вертолёт, набирая высоту, оставил где-то внизу городские пятиэтажки, и мы пошли на перевал. Глазам открылся типичный пейзаж Крайнего Севера. Прямо под нами – огромные озёра с зелёными берегами, а на горизонте – суровая синева гор.

Подлетели, казалось, вплотную к горам. Вертолёт пошёл вдоль перевала. Нас поразили резкий контраст: с одной стороны безжизненные заснеженные пики гор, с другой – долина с зелёной растительностью и синими озёрами.

Река Опала протекает в горной части юго-запада Камчатки и впадает в Охотское море. Река находится вдали от на-

селённых пунктов и дорог.

Вертолёт начал снижение. Мы прилетели в верховья Левой Опалы, покрыли расстояние в 150 км. Здесь светило солнце, вокруг буйствовала зелёная растительность с бледно-жёлтыми цветами кашкары на склоне гор. Выгрузились в считанные минуты, тепло распрощались с экипажем, и вертолёт улетел. Нас окружила таёжная тишина. Рядом неторопливо несла свои воды Опала. Чистый воздух наполнял наши легкие. Мы начали разбивать лагерь. Поставили палатки, разобрали и разложили по местам вещи. Пейзаж напомнил мне верховья Иркутта в районе присаянского посёлка Орлик.

Палатки поставлены, рафты (резиновые лодки) накачаны. Сплав наметили на следующий день, а сегодня, чтобы не пропал вечер, мы отправились на горячие источники, которые, как нам сказал Руслан, находятся в полутора километрах от нашего лагеря. Надев спортивные костюмы и кроссовки, мы тронулись в путь. Руслан по тропе шёл впереди, мы – следом. Это был смуглый коренастый крепыш невысокого роста с усиками, короткими светлыми стриженными волосами, в синей куртке и болотных сапогах. Раньше он работал в «Газпроме», в кризис сократили. Пошёл работать в туризм.

– Здесь недалеко, – объяснил нам Руслан, – полчаса – и мы у цели.

Наша группа шла вдоль кедрового стланика, слева была крутая сопка, заросшая ольхой, справа – долина реки, заросшая жимолостью, багульником и кашкарой. Жимолость на Камчатке, по словам Руслана, слаще, чем наша малина, совсем без горечи.

Мы прошли более часа и вышли к реке, только ниже по течению. Руслан остановился, огляделся:

– Ребята, я, кажется, заблудился, наверное, вертолётчики нас не туда забросили. Я не знаю, куда идти, пойдёмте обратно, пока не стемнело.

Мы оторопели.

– Да где тут блудить? – удивился Владимир. – По карте, до источников полтора километра всего, а мы уже три прошли.

– Подождите! – остановился Николай, склоняясь над следами, оставленными квадроциклами на дороге. – Если здесь ходили на квадраках, то только к источникам, больше некуда, – заключил он. – Надо идти по следам.

Они с Русланом пошли вперед, мы двинулись за ними. Дорога вела в сторону нашего лагеря, и вскоре начался затяжной подъём на сопку, поросшую лиственницами и зарослями ольхи. Вскоре мы вышли на поляну, над ней поднимался водяной пар, а где-то внизу шумела вода, переливаясь по большим камням. На поляне был поставлен деревянный оклад из бруса размером три на три метра. И табличка с надписью:

«Верхние Опалинские источники». В сруб вода поступала из двух больших ручьёв, как в сказке: один был с горячей водой, другой – с холодной. В срубе вода перемешивалась и убегала дальше в реку. Вода в срубе была очень горячей, градусов 50. На табличке был также написан состав воды, в котором в основном присутствовали кремний и сероводород.

Я видел, что Руслану было как-то неприятно, что не он, а Николай привёл нас к источнику. Он не пытался хоть как-то восстановить свой авторитет. Он усмехнулся с бывалым видом:

– Ну, с кем не бывает?

Мы с Николаем искупались, обсохли, не спеша оделись. Наши друзья ещё купались. Мы решили их не ждать, а пойти в лагерь. На спуске с горы, пройдя немного вглубь, натолкнулись на сплошные заросли ольхового криволесья, которое состояло из переплетённых стволов и ветвей.

Такого я ещё нигде не встречал. Ставишь ногу то ли на ствол, то ли на ветку, а кажется, что наступаешь на пружину: тебя запросто может подкинуть и забросить на другую такую же пружинистую ветку или ствол. Так и будешь прыгать, как на батуте, выбираясь из этой ловушки. Мы поняли, что нам это препятствие не одолеть. Возвратились обратно, обошли заросли по медвежьей тропе и вдоль кедрового стланика пошли к лагерю. Вокруг нас цвела жимолость, она была удивительно низкорослой, сантиметров тридцать от земли, также здесь я впервые увидел чёрную саранку. Она такая же, как и

наша, только цветок не красный и не жёлтый, а чёрный.

Вдали мы увидели нашу жёлтую палатку, а оглянувшись – наших ребят, которые уже спускались с горы. Николай решил пошутить. Я пошёл к лагерю, а он отошёл назад и громко крикнул:

– Идите сюда! – И, показав рукой в противоположное направление, добавил: – Лагерь там!

Все пошли за ним, в том числе и Руслан. У Александра развязался шнурок на ботинке, и он остановился его завязать, а когда поднимался, то увидел нашу жёлтую палатку и меня, идущего к ней. Он понял, что Николай их разыграл, и окрикнул ребят, которые уже довольно далеко ушли. Все стали смеяться и повернули к лагерю. Я остановился и дождался их. Руслан шёл молча, ни с кем не разговаривал. Но никто на него зла не держал. Прогуляться вечером – зарядка для тела и души.

Небо затянуло тучами, но дождя ещё не было. Ветер стих, и загудели комары.

Ранним утром, позавтракав, мы спустили лодки на воду. Я собрал спиннинг настроен 5–20 граммов, с катушкой небольшой, тросом толщиной 0,12 мм, на конце троса – блесна типа «Байкалка» № 3. На такую блесну у нас на Ие и Оке соблазняются ленки, шуки, таймени, а как поведёт себя этот пока не известный мне тихоокеанский лосось?

Нас распределили по лодкам. Мы с Николаем пошли в жёлтой лодке. Сопровождающим к нам поставили Сергея.

Андрей с Вадимом пошли на серой лодке со Славой, Александр, Владимир, Лариса и Руслан – на красной лодке.

Николай сел в нос лодки и исполнял роль вперёдсмотрящего.

– Правее, левее, пригнитесь: кусты! – раздавал он команды.

– Сергей сидел посередине лодки и управлял веслами, здесь же были уложены наши вещи. Он был невысокого роста, худой, светлые короткие волосы закрывала синяя спортивная шапочка.

Я уютно устроился в корме. Ветви тальника склонялись так низко, что цеплялись за наши спиннинги, пытаясь вытащить их из рафта. Рыба не ловилась, наши гиды говорили, что ещё рано.

Андрей в шляпе с широкими полями, как у американских ковбоев, интенсивно крутил катушку. Серебристая рыба, сопротивляясь, вылетела из воды, сделала свечку и вскоре оказалась в руках рыбака.

– Это микижа, – объяснил нам Сергей. Все оживились. Кричат наперебой, спрашивая вес рыбы. Андрей высоко над головой поднял рыбу, показал нам её, поцеловал в голову и отпустил.

Андрей – феноменальный рыбак, умеющий говорить на всех рыбьих языках, чувствующий рыбу, как опытный любовник чувствует случайную подругу. Для него ловить рыбу – это всё равно что для виртуоза играть на рояле. Никто в

группе не сомневался, что если есть любой водоём с рыбой, то Андрей её гарантированно добудет. Вот и первое доказательство.

Я слышал, как Вадим заворчал на него:

– Зачем отпустил? Уху бы сварили.

– Да я ещё поймаю, – смеялся Андрей.

Микижа – это местное название радужной форели. Она имеет продольную розовую полосу посередине туловища и на вкус признана самой вкусной рыбой на Камчатке. Кстати, ловить её запрещено. Это уже не первое замечание по поводу рыбы, которую ловят, но лов которой запрещён. Андрей не обманул Вадима и поймал ещё две форели, следом за ним «обрыбились» Владимир и Александр.

Погода нас не баловала. Холодный ветер продувал насквозь. Потом пошёл дождь – пришлось остановиться. У Ларисы промокла одежда. Достали резервный комплект, и она переделалась в сухое. Мне было немного жаль эту хрупкую женщину. На вид ей было лет 40–45. Жила она в Мордовии, а на лето брала отпуск и приезжала на Камчатку. Работала в турфирме, заодно любовалась природой и красотой камчатского края. С одной стороны деньги зарабатывала, а с другой – была туристом. В Мордовии у неё жила дочь. На одном из привалов она рассказала нам, что года четыре назад ходила на Эверест. Также работала поваром. Дошла до базового лагеря. Это высота около 6000 метров. Мы спросили: «Зачем?»

– Из любопытства, – засмеялась она.

Открыли термосы с горячим чаем, но он уже остыл. Глядя на это, Николай достал из своего рюкзака фляжку с самогонкой, порезал солёное сало, Лариса выложила хлеб.

Владимир подошёл к накрытому столу, взял кусок хлеба, положил сверху ломтик сала, откусил и, подняв вверх указательный палец, с восхищением сказал:

– Сало вам, пацаны, сало.

– Почему сало? – удивился Андрей.

– Как почему? Разве ты не знаешь? – удивился Владимир. – Сало – это пожелание здоровья, добра и благополучия. На Руси сало, хлеб и лук на столе олицетворяли достаток и в какой-то мере богатство. Вот я тебе и желаю этого.

Александр оторвался от стола, кашлянул в кулак и возразил:

– Вообще-то, сало было всегда продуктом питания бедных людей, ибо лучшие куски свиной туши доставались тем, кто мог за них заплатить или их отнять.

– Конечно, – согласился с ним я, – это бедняки научились заготавливать сало впрок путём засолки, иногда копчения.

– Сибирское сало самое лучшее, – заметил Николай.

– А мне украинское нравится, – возразил Андрей.

– Сегодня, – усмехнулся Александр, – практически каждый народ утверждает, что именно их сало – лучшее в мире. Русские и украинцы ратуют за свое сало, белорусы за своё, немцы за «шпек», балканские славяне за «сланину», американцы за «фэтбэк» и так далее.

– А мы за своё, за сибирское сало радеем, – заключил Владимир.

– Это точно, – поддержал Николай.

Крепкий напиток согрел нас изнутри, сало также пришлось к месту.

– Ну, теперь можно и дальше идти, – весело сказал Владимир.

– Главное, что на душе теплее стало, – засмеялась Лариса.

Вечером долго не могли уgomониться. Славу оставили дежурить у костра, поддерживать огонь. Он сказал нам, что самыми матерыми дикими рыболовами здесь считаются бурые камчатские медведи, а они где-то рядом. В кухонной палатке стояла полная коробка с уксусной эссенцией. Вечером стало понятно, для чего. По распоряжению Руслана Слава взял ведро, набрал в него воды и вылил туда бутылку эссенции. Сорвал пучок сухой травы и стал им разбрызгивать содержимое ведра на кухню, палатки, траву возле лагеря.

– Запах уксуса отпугивает медведей, – доверительно сказал он нам.

Разошлись по палаткам, сняли вейдерсы (непромокаемые костюмы для рыбалки), надели по два комплекта термобелья, только стали проваливаться в сон, как услышали крик Славы. Ярким огнём зажётся фальшфейер. Мы с Николаем включили фонарики и быстро выскочили из палатки. В это время фальшфейер уже потух, и Слава очень эмоционально рассказывал Руслану, как по тропе к лагерю шел медведь, и

Слава, чтобы испугать его, зажёт фальшфейер.

Николай с тревогой в голосе сказал мне:

– Медведь, наверное, хотел напасть на нас.

Я возразил ему:

– Зачем мы нужны медведю, ему в лучшем случае кухня наша нужна.

Не надо путать туристов и охотников. Охотник идёт тихо, караулит медведя. Туристу это не нужно. Мы громко разговаривали, а зверь – он за 2–3 километра человека чувствует. Как правило, он знает, что человек вооружён, и не осмеливается нападать.

Скажу честно, я не поверил, когда Слава сказал про медведя, да и Руслан, похоже, тоже. Но дело было сделано. Николай долго не мог заснуть, Александр с Владимиром тоже, видимо, ждали, когда медведь снова заявится в лагерь. Лариса тоже всю ночь протряслась от страха в палатке. А Слава после инцидента на всякий случай завёл генератор и включил свет в кухне и возле неё.

На восходе солнца, пока Николай спал, я прогулялся по тропе. От места ночёвки, кажется, сотня метров. И прямо на тропе обнаружил помёт – свежий, ночной, – и большие медвежьи следы. И запах какой-то необычный там присутствовал – не от помёта, а от тропы.

На что Руслан сказал:

– Ни разу не слышал, чтобы на этом участке у кого-то в последние годы были проблемы с медведями.

– А что делать, если встретишь? – спросил Вадим нашего проводника.

Руслан ответил:

– Да ничего не делай, только не убегай. Начнёшь убегать – инстинкт преследования любого животного таков, чтобы догнать и съесть – на всякий случай. Как от собаки нельзя убегать, так и от медведя – разницы никакой. Только собака укусит до крови, ну а бурый может покалечить.

Вадим внимательно его слушал.

Я читал другие рекомендации, – перебил его Слава, – мол, разговаривать низким голосом, спокойно и плавно махать руками над головой.

На что Вадим ответил:

– Ну а суть из всех инструкций я понял такую: вести себя надо спокойно и ждать реакции медведя, и потихоньку уходить при удобном случае, только не дёргаясь и без резких движений и выпадов.

– А что их тянет к нам? – поинтересовался Александр.

– Да не к нам он идёт, – сказал Руслан. – Идёт медведь к рекам, чтобы рыбу поймать и наестся. А вот если рыбы мало поднялось по реке на нерест, если не наестся сразу и увидит человека, может начать охоту. А куда человеку убежать, если скорость медведя как минимум в два раз больше.

Не успели отойти от нашего лагеря, как Александр заметил огромную морду бурого медведя, которая торчала в береговых зарослях ольхи и внимательно разглядывала про-

плывавших мимо туристов. Медведь стоял метрах в ста от нашей ночёвки. Мы махали ему руками и кричали слова приветствия, но он не убежал, а только слегка шевелил своей огромной головой.

– Вот и думай теперь, был медведь или нет, – засмеялся я.

А Николай ответил:

– А я тебе говорил, что это медведь.

Ясная погода стояла весь день, перед нами маячил вулкан Опала. Пристали к берегу прямо напротив вулкана в устье Первого ручья. Он так и называется: Первый ручей. Хотя по полноводности это полноценная глубокая река длиной всего с десяток километров. Непонятно, где она набирает столько воды, потому что берёт своё начало прямо посреди плоской тундры, видимо из болота, и не имеет притоков.

Здесь Николай поймал первую свою форель. Радостно показал её нам с Сергеем и отпустил.

Через минуту в руках у меня также была небольшая форелька. Такие же рыбки стали попадаться и дальше.

Через четыре часа наши рафты тычутся в берег, с них выходит кучка рыбаков на негнущихся ногах. Нетвёрдо прохаживаясь по берегу, кто-то бросает мысль, что место для стоянки, в общем-то, неплохое. И действительно, место стояночное, поляна хорошая, большая. Лариса развернула скатерть, положила на неё пластиковые контейнеры с бутербродами. Из лодок принесли термосы с чаем. Было тепло, даже костёр не стали разжигать.

Руслан сказал, что отсюда, с этой поляны, туристы начинают восхождение на вулкан Опала. Но в наши планы на сегодня покорение вулкана не входило, на вулкан мы пойдём после сплава.

Перекусили, стали собираться в дорогу. Сергей пожаловался, что работы в Петропавловске сейчас нет, летом только туризм и выручает. Руслан также поддержал его. Тут вдруг разговорился Вадим:

– Вот помнится мне, ребята, окончил я медицинский институт и в годы перестройки работал в Иркутске врачом-терапевтом. Получил месячную зарплату, мне её хватило заправить бак бензина в автомобиле. Тут я задумался, что делать. Вижу, объявление висит на столбе: «Требуется торговый представитель с авто». Думаю: «Дай попробую». Позвонил по телефону, приехал в фирму и стал работать. За один день я заработал столько, сколько врачом за месяц. Я уволился из больницы и стал работать в фирме. Потом скопил небольшой капитал и организовал своё дело. И не жалею, что из медицины ушёл, хотя семь лет учился этому ремеслу.

Место для следующего ночлега выбрали очень экстремальное. Плыть дальше не было времени, вечер наступал методично, заставляя определяться с местом. Причалили к поляне, трава метра полтора высотой, а в ней просто полчища комаров.

По утрам, выбираясь из палатки, каждый первым делом бросал взгляд на небо и на воду: «Что там с погодой?». А по-

года была пасмурная, часто нас баловал дождь, утрами бывали туманы, но в палатке спалось комфортно и тепло.

Доплыли до нижнеопалинских горячих источников. Заметили с катамарана воду ржавого цвета в устье ручья, причадили: вода бурлит воздушными пузырями и сильно шибает в нос. Ручей переливается по камням и впадает в реку. Температура воды всего градусов 18, на вкус очень приятная – практически сильногазированный нарзан. Руслан набрал двухлитровую пластиковую бутылку и отдал мне, я охотно положил её в свою лодку.

Только мы отчалили от источников, как набежала туча и начался дождь, но вскоре закончился.

На небольшом островке мы остановились на обед. После неспешного перекуса, перед тем как пойти дальше, Руслан сказал, что мы потеряли на источниках много времени и не можем задерживаться и расслабляться. Нам необходимо пройти дневную норму сплава, чтобы не выбиться из графика. Вот и сейчас нам необходимо пройти район порогов. Безусловно, это один из самых динамичных участков маршрута, дарящий немалую порцию адреналина. Надо всем быть внимательней.

Лодка Руслана пошла первой, вторыми пошли Слава с Андреем и Вадимом, завершающей шла наша лодка. В месте поворота реки к северо-западу попадаем в межгорную теснину и проходим шиверу. Катамараны устремляются вниз по стремнине, адреналин на высоте – это намного интереснее,

чем вся предыдущая вялотекущая вода. Нас подхватило течением и понесло. Ниже одного из белопенных препятствий я увидел, как вторая лодка на всем ходу врезалась в земляной берег, потом её бросило на деревья и понесло по протоке. Сергей пытался отвернуть от берега и заполошно грёб вёслами, но тщетно. Мы повторили тот же манёвр, что и другие лодки. Потом мы обратили внимание, что лодка перед нами идёт боком.

– Баллон пробили, – повернувшись к нам, крикнул Николай.

Было видно, как Андрей с Вадимом переползли на одну сторону лодки, чтобы сохранить плавучесть. Подойдя ближе, увидели, что вейдерсы у Андрея на левой ноге разорваны, порвано и термобельё. На голом бедре виднелась кровавая полоса.

Все лодки причалили к берегу. Берег топкий, болотистый, ноги вязнут в иле. Но другого не дано – надо ремонтироватьсь здесь.

Что мы имеем? Две лодки прошли без происшествий, а у Славы разрыв левого баллона сантиметров двадцать, у Андрея – разорванные вейдерсы, неглубокая рана на ноге и пораненная о кусты рука у Вадима.

– Видать, на сук налетели, – заключил Руслан, – будем клеить. Это часа на полтора.

– Что? – возразил я. – Какие полтора часа, хоть бы к вечеру отремонтироватьсь. Быстро только всё ломается, а вот

ремонтируется – гораздо дольше.

Руслан не стал спорить.

Разгрузили из лодки вещи, вытащили её на берег. Срубили две тонких берёзы, уложили их на берегу, сверху определили лодку.

Руслан достал из аптечки два начатых тюбика клея. Сергей посмотрел на них и из своего рюкзака вытащил новый тюбик. Склонились над лодкой, осматривая порыв.

– Надо сначала зашить дыру, – сказал Николай.

– Зачем, так заклеим, – ответил Слава.

– А что это тебе даст? – возразил я. – Через час всё отклеится, а может, и раньше.

– А чем шить? У нас даже иголки нет, – недоумевал Слава.

– Сейчас найдём чем шить, – успокоил его Николай.

Он достал из рыбацкой сумки металлический поводок, откусил плоскогубцами петлю и расплёл его на проволочки. Сергей принёс капроновую нитку, которую положили посередине проволоки, потом её сложили пополам и концы сплели. Получилась импровизированная игла. Николай взял шило и стал протыкать отверстия и пропускать иглу с ниткой. Через некоторое время дыра затянулась швом. Для гарантии Николай прошёлся иглой назад, получился крестообразный шов. Вернувшись к тому месту, откуда начинал шить, он завязал узел. Шов протёрли спиртом, потом обмазали клеем и оставили сохнуть. После чего вырезали заплату, тоже намазали клеем и закрыли ею место разрыва. Сверху прижали

доской и положили груз. Снова пошёл мелкий дождь – чтобы баллон не намок, сверху его накрыли плащом.

На Опале это единственный порог длиной около половины километра. Наши проводники сказали, что он квалифицируется как порог третьей категории сложности.

Пока мы клеились-зашивались, ребята рыбачили. Они таскали микижу одну за другой. Потом это им надоело: все проголодались.

Осторожно накачали лодку. Заплата стояла прочно и воздух не пропускала.

Плыли под холодными дождём. Стоянку найти очень сложно, но тянуть дальше было нельзя: уже темнело. Встали снова в высокой траве, «утоптали» её вёслами, разбили лагерь. Разожгли костёр, и жизнь наладилась.

Вечер над лагерем необычайно тих. Над черной водой распаивается холодный закат. На береговую чащобу и тонкие пики северных елей, пихт и лиственниц опускаются сумерки...

Утром в палатке я надел вейдерсы, зашнуровал ботинки и вылез наружу. Возле тлеющего, сильно дымящего костра сидел Слава и грел босые ноги. От его мокрой штанины шёл пар. Рядом сушились его болотники, мокрые носки, кроссовки. Я спросил его:

– Слава, как ты дальше пойдёшь, ты же весь мокрый?

На что он мне ответил:

– А что мне, привыкать что ли?

С этими словами он натянул мокрые носки, обул сапоги и пошёл складывать палатку.

Как выяснилось сейчас, Татьяна в последний момент нашла проводников для нас, и они не успели как следует собраться в поход, просто не хватило времени.

– Слушай, – обратился ко мне Николай, глядя на Славу, – если они – профессиональные сплавщики, тогда мы кто?

А в целом день в точности повторял вчерашний: шли под дождём, кроме высоких берегов ничего не видно, по ним только ива и берёза, да высокая мокрая трава.

Река становилась широкой, стало появляться много больших островов и протоков.

Если говорить о рыбацких принадлежностях, то снасти мы использовали самые обычные для байкальских рыбалок. Спиннинги тестом 5–20 граммов, длиной 2,4–2,7 м подходили больше для ловли лосося. Шнуры использовались прочные, диаметром 0,15–0,17 мм, а также мы взяли с собой и более крепкие шнуры диаметром 0,25 мм.

Зацепы за камни не приносили особых трудностей. Достаточно было взять в руку катушку: за счёт течения крючок на блесне разгибался, и блесна отцеплялась, но не всегда. Одина два раза везло, а на третий блесна отрывалась. В принципе мы были готовы к тому, что зацепы быстро истощали запасы блёсен. Все сходились во мнении, что оптимальный размер блесны на Опале – № 3 и № 4. По моему мнению, лучшей окраской блесны было серебро либо серебро с красны-

МИ ПЯТНАМИ.

Кажется, наш проводник Серега заболел. Он стал надрывно кашлять, и его голос осип. То ли он в городе поймал вирусную инфекцию, то ли вчера мокрого продуло. Мы с Николаем лечили его от простуды всеми доступными средствами: таблетками из аптечки, горячим чаем с лимоном из термоса, чесноком, водкой с перцем и без. Не скажу, что сразу помогло, но к вечеру он выглядел бодро. Сами же, чтобы не заболеть, на всякий случай намазали под носом оксолиновой мастью. Когда собирались в поход, думал, мазь ни к чему здесь. Положил на всякий случай. Вот и пригодилась.

После впадения слева реки Саван, Опала совсем разли-

лась-раскатилась. И опять, как и вчера, не просто стало найти стоянку. Нашему взгляду открылся высокий берег. Остановились. На берег не подняться: трёхметровый слой чёрного песка осыпается под ногами. Цепляемся руками за ветки тонкого тальника и, утаптывая песок, по одному поднимаемся вверх.

Чёрный песок – это песок вулканического происхождения. Восточное побережье Камчатки, Япония и Курилы – самое сейсмоактивное место на планете. В XX столетии в районе юго-восточной Камчатки 7–8-балльные землетрясения постоянно сотрясали материк.

До впадения Савана в Опалу ловилась одна микижа, а здесь Андрей зацепил кету, Огромная рыбина гнула спиннинг ударами из стороны в сторону, пытаясь сорваться с крючков. Потом Александр поймал кету, но мне запомнилось, как Вадим вытащил свою первую большую рыбу. Кета, попав на блесну, долго сопротивлялась. Она то поднималась к поверхности, то опускалась на дно. Сергей и Руслан советовали ему не торопиться, дескать, пусть устанет. Более чем полуметровое тело кеты взлетало над водой и выгибалось дугой. Минут десять боролась она, а затем начала сдаваться. Все бросили рыбалку и внимательно следили за ней: такой большой рыбы нам ещё не попадалось.

Шаг за шагом Вадим отступал назад, чтобы подвести рыбу ближе к берегу. От напряжения руки у него вспотели, на лице также выступили капельки пота. Спортивная шапка

сползла на глаза. Рыба подошла к берегу, встала метрах в двух от него и замерла.

Вадим не стал горячиться и рвать трос на себя. Он просто не знал, чего ждать от неё в эту секунду, и растерянно поглядел на нас. Выход нашёл Александр. Он быстро вошёл в воду, подошёл к рыбе со стороны хвоста, просунул пальцы под жабры и выбросил её на берег. Это была самка с икрой.

– Ну, что вы тут поймали? – любопытствовал подошедший Владимир.

Он достал электронные весы и поднял рыбу. Весы показывали пять с половиной килограммов. Вадима распирало от радости. Такую большую рыбу он поймал впервые. Я стоял и думал: «Вадим-то поймал свою рыбу, а я ещё нет». Я бросал спиннинг, но безуспешно. Двухкилограммовые микижи уже не радовали. «Ну и ладно, – успокаивал себя я, – утро вечера мудренее.

Вечером Лариса варила нам уху из пойманной рыбы, жарила её на сковороде.

– От одних запахов можно слюной изойти! – весело заявил Вадим, присаживаясь к столу.

– И ведь не купили, сами наловили, – нарочито небрежным тоном сказал Александр.

– Да! У нас теперь настоящий рыбак в компании есть, – не без удовольствия сказал Владимир.

– Вы что, разыгрываете меня? – возмутился Вадим, хлебнув несколько ложек ухи.

– Да нет, вон видишь, Лариса твою кету разделала и всех накормила. Давеча говорила, что Вадим кормилец наш.

Вадим поднял голову, распрямил плечи, в нём заговорило честолюбие добытчика:

– Я-то лично не рыбак, мне эта ловля на спиннинг не по нутру. Целыми днями на берегу торчать, как пень. У меня другой характер, я люблю сетями ловить. Бросил сетёшку, вечером проверил – уха готова.

– Эх ты, интеллигент, – возмутился Владимир, – зачем сети нужны, на спиннинг интереснее, азартнее и честнее по отношению к рыбе.

А я-то думал, ты настоящий рыбак! – рассмеялся Андрей.

– Ты, это, давай меняй свои браконьерские интересы, – поучал его Александр.

– Успокойтесь! Я пошутил, – ухмыльнулся Вадим и стал уплетать остывшую уху.

На третий день эта камчатская еда нам надоела. Владимир попросил Ларису сварить простых щей. Они были такие вкусные, что пришлось просить добавки.

Все ушли спать. Слава остался дежурить. Я подошёл к нему, он предложил посидеть у костра. Предложение было принято.

– Здесь, на Опале, хорошо, – говорил Слава, глядя на огонь, – и рыба есть, и дров много. А на Быстрой туристов много летом сплавляется, так иной раз не найдёшь ни сучка ни былинки. Ну а если дождь хлынет, то и согреться негде.

Не люблю рыбную ловлю без костра. У костра не посидел – вроде как и у реки не был. . .

– Хороша река, да подходы плохи, – заметил я, – или топь у самого края, или камни грудками, или кустарник такой, что со спиннингом не пройти.

– У нас почти все реки такие, с песчаными и земляными берегами.

Славе двадцать восемь лет. На вид он сух и неширок в плечах, высокого роста, но выносливости его могут позавидовать и маститые спортсмены. Он родился в Петропавловске и живёт там с матерью. Почти каждый выходной день, а тем более отпуск, проводит на рыбной ловле. Сплавляться по рекам – это самое большое для него удовольствие. Протирая запотевшие очки, он говорит:

– Богатая река: и кета есть, и микижа, и чавыча, и голец, а иногда и нерка заходит. Кета и форель берутся на блесну. Им подавай такую блесну, чтобы она играла в воде, волчком вертелась.

Из палатки его окликнул Сергей, и Слава пошёл к нему.

Я остался у костра один, пошевелил тальниковые сучья в костре, посмотрел на черную воду реки. Здесь, на Камчатке, вся жизнь крутится вокруг лосося. От него зависит благополучие зверей, людей и рыб. Где идёт лосось, там и жизнь бьёт ключом. Лососи большую часть жизни проводят в холодных водах северной части Тихого океана, но, достигнув половой зрелости, начинают нерестовую миграцию, направ-

ляясь к устьям рек. С невероятным упорством, преодолевая сильное течение, бурные пороги, рыбы поднимаются к верховьям, чтобы дать жизнь следующему поколению и погибнуть. Удивительно, что рыбы возвращаются на нерест в те самые реки, и в то самое место, где появились на свет, безошибочно отыскивая правильный путь после нескольких лет странствий в океане.

Утром, пока лагерь просыпался, я решил попытать рыбацкой удачи. Взял спиннинг и спустился с высокого берега к воде. Внимательно посмотрел на реку. Метрах в двадцати от меня, около двух выступивших из воды корней деревьев, расходились крупные волны. Здесь же на дне лежали утопленные бревна.

Комары и мошки, которые не беспокоили нас наверху, сейчас накинудись на лицо, шею и руки. Пришлось надеть накомарник – нечто вроде шлема из плотной серой материи с нашитой впереди тонкой густой чёрной кисеёй.

Неудобно в таком уборе смотреть на воду, но москиты на Камчатке – жестокий бич рыбаков и охотников.

Я посмотрел на место, где недавно плескалась рыба, и забросил туда блесну. Течение подхватило её и понесло. Я быстро крутил катушку, опасаясь зацепиться за корягу или утопленное бревно. Этот заброс ничего не дал. «Что-то делаю неправильно, – подумал я, – напрасно спешу!»

Хитёр рыбак, но и рыба не глупа, особенно кета – рыба чуткая и зоркая.

Я не знал повадок кеты и снова сделал заброс в то же самое место. Едва блесна коснулась поверхности и начала погружаться, я стал медленно крутить катушку. Что-то на конце шнура дернулось. «Теперь тяни», – сказал я себе и подсёк.

Шнур натянулся и замер. Блесна зацепилась за корягу. «Позор, позор!» – казнил я себя, растерянно озираясь по сторонам. Ругал я себя за то, что так глупо дёрнул за шнур и зацепился. Горечь неудачи была безмерной. Выход здесь один. Я подошёл по берегу как можно ближе к месту зацепа, подкрутил катушку, потом зажал её в руке и отошёл назад. Шнур натянулся и ослаб. Я стал крутить катушку и радостно почувствовал на конце шнура блесну. Так и есть, блесна была на месте, только крючок на тройнике разогнулся. Надо сказать, что перед рыбалкой Владимир дал нам всем безузловые зацепы, которые позволяли прицеплять блесну к плетённому тросу без узла, что придавало дополнительную прочность соединению.

Я услышал за спиной резкий шум, обернулся: Николай, раздевшись донага, стоял в лодке и, зачерпывая ведром из реки воду, опрокидывал на голову. Я невольно поёжился. Утро было совсем не тёплое, но у него это вошло в привычку – обливаться по утрам, а привычка, говорят, вторая натура.

Я подогнул плоскогубцами крючок и опять сделал заброс. Но рыба не брала.

Видимо, испуганная бурным поведением блесны и шумом обливания, она отошла или затаилась.

Я уже начал подумывать о том, чтобы пойти на наш табор, как вдруг мои мысли прервал резкий толчок. Я дернул спиннинг и тотчас же ощутил один за другим два сильных удара. Блесну схватила крупная рыба. Это была кета, она вылетала из воды свечой, затем бросалась вправо-влево, а потом пошла к противоположному берегу, до предела натягивая трос. Но тросовка была надёжна, удилище спиннинга крепко, тройник прочен. Утомив кету, я подвёл её к берегу и рывком выбросил на берег. Наконец-то счастье улыбнулось мне!

Я взял кету под жабры. Это был крупный экземпляр, длиной больше полуметра. У рыбы была острая, но небольшая голова с горбатым носом, толстоспинное серебристое туловище с красочной мозаикой тёмных пятен вдоль боковой линии, широкий и мощный хвостовой плавник.

Но рассмотреть всю игру красок в оперении рыбы я не мог, потому что в моих руках была её жизнь. Я сразу не смог разобрать, самец это или самка, и крикнул Руслана. Я стоял под высоким берегом, придерживал одной рукой рыбу, а другой отцеплял блесну. Руслан не стал спускаться, а подошел к краю обрыва, в руках у него была кружка с чаем, он только глянул на кету и сказал, что это самец. Тогда я аккуратно взял ладонями рыбу и возвратил её в холодные воды живой реки – и вдруг почувствовал неведомое ранее чувство радости, более сильное, чем торжество от добычи. Ополоснул руки, выпрямился, вдохнул полной грудью и оглянулся

вокруг. Я – человек, сумевший добыть рыбу. Я принял этот дар от реки и вернул его ей. И от содеянного я испытывал настоящее счастье. Я свободен и честен перед самим собой и природой. Я смотал спиннинг и поднялся к нашему лагерю.

Мы движемся дальше. Сегодня нам предстоит пройти немалое расстояние по реке. Русло её заметно расширилось, течение стало слабее. Заросшие зеленью берега были приятны глазу. Яркая растительность источала запах трав и сосновой хвои.

Сзади раздался глухой удар тяжёлого тела о воду. Николай подводил к лодке крупную кету. Экземпляр, надо сказать, был даже несколько больше моего.

Клёв начал усиливаться. Николай зорко присматривался к воде и немедленно бросал блесну туда, где только что плескалась рыба. Он поймал ещё одну, потом другую – дело пошло. Вскоре поймал большую кету и я.

7 июля у Владимира был день рождения. Вечером сидели за столом в палатке. Пришло время, когда душа от спиртного развернулась и стали петь песни. Я предложил:

– Давайте споём «Изгиб гитары жёлтой»!

– О, давай, – закричал Владимир, – Окуджаву я люблю.

– Эту песню написал Олег Митяев, – возразил я.

– Вы что одурели? Это же Визбор, ребята! – взвизгнул не своим голосом Вадим.

– Нет, я точно знаю, что это Окуджава, – недовольно сказал Александр.

– Ребята, не спорьте, я же знаю, – пытался успокоить я своих друзей.

– А давай поспорим, что это Окуджава? – стал напирать Владимир.

– Я и без спора знаю, что это Олег Митяев.

– Да Окуджава это, я что, не знаю что ли, – настаивал Александр, глядя на Владимира.

Я понимал суть происходящего: Александр провоцировал своего товарища на спор.

– Тогда спорим на виски, – не унимался Владимир, доверяясь своему напарнику.

Я пытался отказаться, но видя, какими глазами на меня смотрели Андрей с Николаем, мне почему-то стало неловко, как будто я сделал что-то неприличное.

– Ну что с вами делать, давай на бутылку виски, – согласился я.

– Нет! – не унимался Владимир, – давай на «качели».

– А это что такое?

– Вы не знаете, что такое «качели», а ещё спорите со мной, – вконец раздухарился Владимир. – «Качели» – это большая бутылка виски, пять, семь и даже двенадцать литров есть. Давай на семилитровые «качели»!

– Давай, давай, – подначивал Александр.

Они стали напирать на меня, и мне просто некуда было отступать от истовых поклонников бардовской песни.

В разговор вмешался Андрей:

– Я вот даже не знаю, на чью сторону стать.

– А я даже не сомневаюсь, – утвердительно сказал Николай. – Я своему напарнику доверяю.

Владимир в какую-то минуту засомневался:

– Саня, а ты точно уверен?

– Без вариантов.

Тут возмутился я:

– Ну, раз вы так себя ведёте, тогда вас надо учить, молодых, напористых и азартных, чтобы впредь nepовaдно спорить было.

Мы ударили по рукам, Александр разбил наш спор, и мы сошлись на семилитровых «качелях».

Мы спели песню, потом я спросил Александра:

– Слышь, Саня, а что ещё написал Окуджава?

– Ну как что? – недовольно проговорил он. – Ну, эту песню, про виноград.

– Понятно. «Виноградную косточку в тёплую землю зарою...»

– Во-во, её!

– А ещё?

– Я сейчас не помню.

– А я тебе скажу: про Арбат известная песня, «Надежды маленький оркестрик», «Бери шинель, пошли домой», «Мы за ценой не постоим». И много других.

Потом я обратился к Вадиму:

– А какие песни Визбора ты знаешь?

Он молчал, пожимая плечами.

– С тобой всё ясно. Вот чтобы ты знал, Визбор написал «Домбайский вальс», «Солнышко лесное» и много других песен, но «Изгиб гитары жёлтой» написал Олег Митяев.

– Нет. Это Окуджава, – не унимался Александр.

– Я думаю, что всё-таки Визбор, – не сдавался Вадим.

Утром, за завтраком, снова зашёл разговор про «качели». Я обратился к Владимиру и предложил ему остановиться все-таки на 5-литровом варианте.

– Вы что боитесь? – обернувшись ко мне, иронично засмеялся он.

– Да нет. Просто такую большую ёмкость мне негде поставить будет, а пятилитровую мы с Николаем уже определили, где разместить, – можно на даче.

– Ладно. Только из уважения к вам, – гордо расправляя грудь, согласился Владимир.

Я повернулся к Александру:

– Саня, ты за ночь не образумился?

– Ха! Конечно, нет! Я точно знаю, что это Окуджава.

– Это уже похоже на диагноз, – недовольно пробурчал я и, чтобы успокоить Александра, сказал: – Ладно, я тебе за упорство двести граммов налью из «качелей».

– А я и не откажусь.

Пасмурно. Решили возвращаться на день раньше. И посвятить этот лишний день знакомству с Петропавловском. Владимир позвонил по спутниковой связи Татьяне. Она со-

общила, что у водителя, который должен нас вывозить, нет возможности вывезти нас на день раньше.

– Тогда попросите его, чтобы он нам бутылку водки привёз, мы рассчитаемся с ним.

– Хорошо, – согласилась она.

Вадим, довольный ответом, радостно потёр руки.

У Сергея голос так и не восстановился, он продолжал разговаривать шёпотом. Чёрное небо, редкие кусты ивы по берегам и серо-зелёная тундра – больше не за что зацепиться нашему привередливому взгляду. Дождь моросит не переставая.

Мы промокли, набухли влагой вещи, упакованные в гермомешки. Подул вдоль реки ледяной ветер.

– Руслан, надо бы костёр развести. Люди насмерть простудятся, – Владимир заботился о коллективе.

– Нам ещё десять километров надо пройти.

– Темнеет. Давайте встанем здесь, хорошее место: поворот реки, поляна...

– Я сказал – не положено, мы не успеем по времени пройти маршрут, – начал заводиться инструктор. – Сказано – десять километров надо пройти, значит, надо!

– Ты инструктор, тебе виднее, – Владимир поправил на голове промокшую бейсболку. – Устали люди. Холодно нам, пойми. Не пройдем мы ещё десять километров. Тебе что, ЧП не хватает? А вдруг кто-нибудь воспаление лёгких подхватит, тебе же отвечать придётся!

– Блин, умные все стали. А мне потом Татьяне рассказывать, мол, дождик пошёл, вот до стоянки и не доплыли.

– Да не нервничай ты, смотри, солнце садится. Обсушимся, а с утречка дальше пойдём, – успокоил его Вадим.

В конце концов Руслан согласился.

Поставили палатки. Сырые сучья трещали в костре. Сварили уху, вскипятили чай, приняли согревающего напитка и начали готовить малосольную икру (для этого мы с собой и взяли грохотку и марлю). Разложили на столе небольшие куски марли, растворили в кипячёной воде соль.

– Ну что, Вадик, доставай ракетку, пришло её время, – Владимир с улыбкой посмотрел на Вадима.

Тот быстро вышел из кухни и через несколько минут появился снова, он развёл в стороны руки, посмотрел на нас растерянным взглядом и тихо произнес:

– Ракетку никто не брал?

– Да кому она нужна? – с упрёком посмотрел на него Николай.

– В рюкзаке её нет, – смущённо опустил глаза Вадим.

– Правильно. Она в гостинице, скорее всего, осталась, за тумбочкой, – съязвил Андрей. – Всё пива никак не мог напиться.

Вадим заскрежетал зубами от бессилия что-либо исправить в этой ситуации, но минуты шли, растерянность понемногу проходила.

– Мужики, – виновато простонал он, – я буду вручную

перебирать, раз виноват.

– А что ты предлагаешь теперь делать? – удивлённо пожал плечами Владимир. – Другого варианта нет, давай, перебери-рай теперь вручную.

Вадим разрезал ножом икраной мешок и, взяв в руки чайную ложку, стал ею отделять икру от плевры. Этот процесс был долгим и трудоёмким, каждую икринку нужно было обработать. Андрей с Александром из солидарности сели за стол рядом с ним, стали отбивать икру, а мы с Владимиром и Николаем стали осваивать процесс засолки.

Как делать красную икру – «пятиминутку»? Икра в рыбе находится в мешочках. Берётся мешочек, кладётся на ракетку и протирается сквозь решётку. Так икринки отделяются от мешочка. А поскольку с ракеткой получился конфуз, то каждую икринку отделяли ложкой. Потом делается так называемый тузлук. Это дико солёная вода. Вода кипятится в кастрюле или ведре, остывает, соль добавляется до тех пор, пока очищенная картошка не будет плавать. Икра помещается в этот тузлук на пять-шесть минут. Потом отбрасывается в марлю и подвешивается стекать. Всё, можно есть.

Беда в том, что такая икра хранится только в замороженном состоянии либо её надо сразу съесть. Когда идёт промышленное производство икры, то в неё добавляют консервант. Надо сказать, что пятиминутка и покупная икра по вкусу отличаются в пользу первой.

Утром я поднялся вверх от берега, где, по моему предпо-

ложению, должна быть тундра. Но тундры нет, а есть высокая трава и медвежьи тропы во всех направлениях, а на тропах медвежьи кучи, через каждые пять метров. Берёзы низкорослые и корявые, растут на обрывах по-над рекой в горизонтальной плоскости, почти параллельно воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.